

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

Беднота да простота

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Беднота да простота / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 96 с.

ISBN 978-5-519-74857-5

Содержание: Первый день Рождества; Ариша; Скрипач; Панкрат

ISBN 978-5-519-74857-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Первый день Рождества.

(Картинки съ Поволжья).

I.

Вима. Бѣлая ночь тихо сошла на снѣжныя поля и сладкимъ покоемъ охватила мирное село Крутыя Горки. Морозъ затихъ; въ воздухѣ потянуло дремотой; луна неторопливо плавала среди гряды спокойныхъ облаковъ; сѣрыя избы то тутъ, то тамъ чуть-чуть мигали блѣдными огоньками лампадокъ, теплившихся въ божницахъ. Въ ожиданіи Христова Рождества въ самой бѣдной крестьянской мазанкѣ все выглядывало по-праздничному... Принарядилась и нужда, выпула изъ завѣтныхъ коро-

бовъ, достала изъ покосившихся чуланчиковъ, старыхъ амбарушекъ, что возможно получше, для встрѣчи большого праздника... Рано эта ночь навела на всѣхъ спокойный сонъ, чтобы пораньше разбудить и стараго и малаго церковнымъ колоколомъ... Тишь по всему селу; тишь и на Волгѣ, онѣмѣвшей подо льдомъ; не плещется уже свободная волна о высокій берегъ, гдѣ сторожить широкую рѣку крутогорская церковь... Но... чу!.. гдѣ-то хрустнуло; тявкнула спросонья собака и замолкла... Ни шороха ни звука... «Господи помилуй!.. Господи помилуй!..» слышится и затихаетъ шопотъ въ большой избѣ съ рѣзнымъ конькомъ среди своихъ сосѣдокъ, окутанныхъ сверху донизу пухлымъ снѣгомъ... Все погрузилось въ молчаніе въ этомъ домѣ: молчаливы длинныя, вытянувшіяся во всю стѣну лавки, молчалива широко умѣстившаяся у двери печка, не слышно на ней неумолкаемой болтовни намерзнувшихъ за день ребятъ, молчаливы безконечныя полаты, откуда минутами слышатся сонные вздохи спящихъ, молчаливъ спрятавшійся совѣмъ въ тѣни конникъ, гдѣ наскоро заснула до ожидаемой всѣми заутрени молодая женщина, мать троихъ разнолѣтокъ-дѣтей, — сѣрая свитка окутала ее съ ногъ до головы, но густая золотистая коса выбилась на волю и повисла почти до полу... Все стихло и спить; одинъ сухощавый, сѣдой старикъ стоитъ въ переднемъ углу передъ божницей и шепчетъ, не переставая: «Господи помилуй!.. Го-

споди помилуй!..» медленно переводя руку со лба на грудь и плечи, медленно склоняясь передъ тускло освѣщенными ликами иконъ... Бѣлая борода до пояса, ясное лицо, осанка спокойная, ростъ высокій, — все это напоминаетъ древнихъ подвижниковъ, какихъ рисуетъ намъ старое время; сколько тихой простоты, силы, не покорившейся никакому горю, никакимъ несчастіямъ жизни, лежитъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ этого старца... Густыя нависшія брови его то сурово супятся, скрывая грустный взглядъ, — и, кажется, онъ уходитъ въ свое печальное прошлое, — то лицо его умиляется, и на блѣдныхъ устахъ скользитъ младенческая улыбка, глаза горятъ и какъ бы проникаютъ въ даль грядущаго... Савельичъ молится: ничто не мѣшаетъ ему бесѣдовать въ простотѣ душевной съ Богомъ, только длинная тѣнь протянулась слѣва по всей стѣнѣ, то опускается, то поднимается вмѣстѣ со старикомъ.

На широкихъ полатяхъ слышался дѣтскій кашель, зашевелился внукъ Савельича, бѣлокурый Вася, поднявъ косматую голову съ мягкаго полушубка, щурится, осмотрѣлся, видитъ: дѣдъ стоитъ въ переднемъ углу; въ избѣ тихо... «Что же не спитъ онъ... ужъ не пришло ли Рождество»... мелькнуло у него.

— Дѣ-дынь-ка!.. А, дѣ-дынь-ка!.. Скоро Рождество - то придетъ?! — раздался глухо въ затихшей избѣ его заспанный голосъ съ полатей.

Старикъ вздрогнулъ, и зашевелилась на немъ бѣлая рубашка.

— Идетъ... близко ужъ...

— А гдѣ оно, дѣдынька?!

— Сказываю, близко... За Лемешкиной горой... откуда солнышко ликъ свой по грѣхамъ нашимъ являетъ... Спи!..

— Идетъ оно, дѣдынька?..

— Идетъ, идетъ, внучатко!..

— Я встану, дѣдынька, съ тобой буду... Боюсь, кабы не проспать!

— Не бойся, родной; придетъ оно, радостное,— всѣхъ насъ разбудить благовѣстомъ Господнимъ... Спи, говорю!.. — заключилъ строго старикъ.

И спряталась бѣловолосая голова, и спать въ полночи мальчикъ.

Савельичъ молится... вдругъ крикнулъ громогласно разъ, два, три свое полночное «к-к-ка-ре-ку» пѣтухъ подъ печкой и замолкъ. А Савельичъ все молится...

«Д-о-н-ъ!.. д-о-н-ъ!..» раздалось протяжно съ высокой колокольни отъ побережья Волги. И звуки мѣрно, призывно полились въ ночной тишинѣ по всему селу, росли и сливались въ густой гулъ, проникали на снѣжныя поля, пробирались въ ближній лѣсъ, покрытый инеемъ и кругомъ занесенный зимними метелями...

— Слава Тебѣ, Господи!.. слава Тебѣ!.. Привелъ Ты, Спасъ нашъ, и еще мнѣ, немощному, встрѣтить

Рождество Твое святое!.. — громко сказалъ старикъ, отходя отъ передняго угла, и принялся окликать спящую семью.

— Герасимъ!.. Агаѣя!.. Титъ!.. пль не слышите? Звонять!.. Праздникъ пришелъ!..

— Пришелъ, дѣдынька? — прозвѣнѣлъ голосокъ Васи съ полатей.

— Пришелъ, родной, пришелъ — и въ храмъ Божій зоветь, вставай!..

Все въ избѣ зашевелилось; закачался жестяной рукомойникъ у печки, которая тоже ожила: тамъ одѣвались дѣти, обуваясь съ восторгомъ въ новые лапти незатѣйливой работы стараго дѣда, сплетенные къ праздникамъ.

— Василь, а Василь!.. ты, смотри, со слѣпу-то мои лапти подцѣпилъ!.. — приставала къ брату полнолицая раскраснѣвшаяся дѣвочка лѣтъ восьми. — Ишь, эти мнѣ велики!..

— Отстань, Фрося, — не до тебя... я ужъ обулся...

— Мамынька!.. Василь забижаетъ... мои лапти отбилъ... мнѣ самъ дѣдъ ихъ далъ... у меня на нихъ и замѣтка положена — на оборохъ по три узелка... — хнычетъ съ печки дѣвочка.

— Перестаньте!.. на праздникъ ссоры заводятъ!.. — окликаетъ строго дѣдъ... — Зналъ бы это, и лаптей не дарилъ!.. Размѣняйся, Василій!.. а то первымъ христославленнымъ обоимъ лапти отдамъ, али Митрію-подпаску, — онъ парешъ тихій...

Василій ничего уже не слышитъ, — онъ мечется изъ угла въ уголъ по избѣ, разыскивая полушубокъ, который преспокойно лежитъ на полатяхъ.

Дѣдъ умирить внучатъ, и все пошло ладно.

Засвѣтились огоньки въ окнахъ по всему селу; затопились печи; закружился дымъ надъ каждой избенкой; заскрипѣли калитки, ворота — и народъ гужомъ потянулся по снѣжнымъ улицамъ и закоулкамъ къ церкви.

Не прошло и полчаса, какъ на деревянныхъ остроконечныхъ спицахъ ограды зачернѣлись, будто обсѣвшія ихъ дружно галки, крестьянскія шапки.

II.

Отъ шатроваго дома, который гордо глядѣлъ двѣнадцатю окнами во всѣ стороны черезъ снѣжную площадь на неприглядныя избы, прятавшіяся подъ родной соломой, шло трое дѣтей священника; бѣличьи пальто двоихъ легонько раздувалъ подутренній вѣтерокъ, порошившій снизу мелкимъ снѣжкомъ. Это братья, пріѣхавшіе изъ города, воспитанники духовнаго училища; немного сзади шла ихъ сестра.

Юныя лица сіяли довольствомъ: братьевъ занимало предстоящее славленіе съ торжественными

рѣчами, елки у помѣщиковъ ближнихъ деревень прихода ихъ отца; мысли дѣвушки сосредоточены были на розовомъ платьѣ и новомодной шляпѣ, что привезли братья изъ города; она поминутно отставала отъ нихъ, осторожно ступая по разметенной тропинкѣ, опасаясь неловкимъ, порывистымъ движеніемъ измять пѣжные оборки новаго наряда.

— Что же, Петя, ты, что ли, будешь читать шестопсалміе, или мнѣ уступишь?! Уступи, вѣдь у тебя немного голосъ охрипъ, — говорилъ младшій братъ Алексѣй.

— Охрипъ?.. Вотъ новости!.. Съ чего ты взялъ?! Читай канѣизмы или первый часъ... Куда тебѣ браться за шестопсалміе, не одолѣешь... Оборвешься, осрамишься еще въ этакій-то день.

— Ну, нѣтъ; тоже постоимъ за себя, Петя!.. Не въ первый вѣдь разъ!..

— Не вѣришь мнѣ, спроси Игнатъича... Ужъ было съ тобой на Страстной, прошлый годъ... Помнишь, тоже взялся читать канонъ, — мигъ-мигъ — и оборвался!..

— То канонъ!.. — сознался Алексѣй и, уткнувъ носъ въ воротникъ пальто, замолкъ.

Тутъ разговоръ ихъ и самъ собою оборвался бы: они вошли уже въ ограду. Народъ частью толпился вблизи колокольни, частью волной валилъ въ обширныя двери притвора, откуда быстро вылетали на свободу клубы бѣлаго пара.

— Силантычъ!.. Силантычъ!.. проводи насъ до клироса!.. — окликнулъ Петръ суетившагося у колокольни сторожа.

— А, Петръ Андренчъ, это вы, батюшка!.. — засѣменилъ около дѣтокъ священника старый Силантычъ.

— Мы!.. — съ сознаниемъ своего достоинства, твердо сказалъ Петръ Андренчъ.

— Сейчасъ!.. сейчасъ!.. — скороговоркой проговорилъ сторожъ и устремился впередъ, расталкивая народъ.

Весь амвонъ и клиросы унизаны были ребятами: одни изъ нихъ неудержимо крестились, хотя и не началась еще служба, другіе немилосердно толкались, завоевывая себѣ лучшія мѣста впереди.

Вася съ дѣдомъ Савельичемъ стоялъ у праваго клироса и не сводилъ глазъ съ иконы архангела Михаила на конѣ со щитомъ, поражающаго длиннымъ копьемъ страшнаго змія... Строгій ликъ, копье, непонятная дощечка въ рукѣ и змій всегда его поражали и наводили его дѣтскій умъ на разныя несообразности... Вотъ и теперь, только Вася сталъ противъ иконы, какъ фантазія унесла его въ непроходимые лѣса, крутыя горы, куда крылатый многоглавый змій не только не пропускалъ ни одного крещенаго человѣка, но прилеталъ въ близнія села и уносилъ дѣтей въ свои страшныя трущобы... Въ ушахъ Васи звенить, ему чудится, какъ шипитъ змій... Вдругъ нить его мечтаній обры-

вается разомъ, Силантьичъ круто оттолкнулъ его въ сторону, изъ-подъ взора Васи выскользнуло изображеніе иконы съ архистратигомъ, Вася какъ будто очнулся отъ сна и видитъ, какъ поднимаются на ступеньки клироса батюшкины сыновья, а парядная дочка отца Андрея стала впереди его... «Ишь вѣдь, — мелькнуло въ головѣ мальчика, — въ какомъ почетѣ; они, правда, и стрижены не по-нашему... За вихры-то ихъ нехватишь... Зато зимой, поди, холодно»... И Вася вперилъ зорко матовые синіе глаза на заинтересовавшихъ его поповичей...

— Петру Андренчу!.. Алексѣю Андренчу — мое почтеніе!.. Вздремнули малость или не спавши изволили къ заутренѣ пожаловать?! — встрѣтилъ семинаристовъ дьячокъ Игнатьичъ, поглаживая рѣдкую клинообразную бородку, пріятно шурша широкими рукавами свѣтлаго глазетоваго стихаря и умильно улыбаясь.

— Какъ же, соснули, Игнатьичъ, нельзя не соснуть, иначе томительно день пойдетъ!.. — фамильярно, съ претензіей взрослою, отрѣзалъ юный Петръ Андренчъ, окидывая бѣглымъ взглядомъ толпу. Алексѣй хмурился: онъ былъ недоволенъ, что праздничный по облаченію и по улыбкѣ Игнатьичъ болѣе обращался не къ нему, а къ старшему брату.

— А отъ обѣдни, Петръ Андренчъ, къ княжескому управляющему съ папашей пойдете на славление, или въ Голодявку къ Варварѣ Петровнѣ Ше-